

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИСКУРСА

*А.С.Самарчян,
Лаборант
Института Философии,
социологии и права НАН РА*

Любая диалоговая форма коммуникации предполагает как минимум наличие коммуникантов и дискурса, функционирующего между ними. Целью коммуникации является понимание дискурса, в том числе - презентированного в виде текста. В настоящей статье анализ понимания дискурса осуществляется на основе предложенной Т.А. ван Дейком и В.Кинчем теории понимания. Данная теория основывается на когнитивном подходе, предполагающем уделение особого внимания процессам использования, накопления и усвоения знаний. Это предполагает "конструирование системы, в рамках которой могут быть представлены и скоординированы (без нарушения известных ограничений на информационные особенности человека) все процессы, происходящие при понимании связного текста".¹

Действительность постигается нами через модели, то есть понятия и категории, которыми мы пользуемся для интерпретации действительности, являются понятиями и категориями наших моделей. Мы в определенном смысле квантифицируем действительность, выделяя различные дискретные объекты, их свойства, отношения, в которых они находятся с другими объектами, событиями или действиями. Ясно, что структура когнитивной модели ситуации отражает лишь определенные стороны реальной ситуации. Основные отличия между реальными ситуациями и их когнитивными соответствиями следующие: модель не может отражать ситуацию во всей полноте; модель есть субъективное личностное образование, результат извлечения информации из реальной ситуации; то, в каких понятиях описывается

¹ ван Дейк Т.А. , Кинч В. Стратегии понимания связного текста. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII, М., 1988, с. 174.

модель, представляет способ, специфику означивания (интерпретации) ситуации.¹

Следовательно, дискурс, построенный на основании восприятия какой-либо ситуации, отражает все особенности индивидуальной модели этой ситуации.

В понимании дискурса можно выделить две стадии. На первой -поверхностное понимание высказывания создает пропозициональную репрезентацию, близкую к поверхностной форме предложения.² Пропозициональная репрезентация – один из методов анализа когнитивной психологии. Термин “пропозиция”, заимствованный из логики и лингвистики, в данном контексте означает минимальную единицу знания, которая может быть отдельным утверждением и истинность/ложность которой имеет смысл оценивать.³

Пропозиция состоит из предиката и одного или более аргументов. Предикату в естественном языке соответствуют глаголы, прилагательные, наречия или соединительные частицы. Аргументу соответствуют существительные и именные словосочетания. Эти единицы и образуют так называемую поверхностную структуру. Предикаты в пропозиции перечисляются первыми. Аргумент включает в себя грамматическое подлежащее и остальные члены предложения⁴.

Лексическим значениям соответствуют т. н. атомарные пропозиции, которые организованы в пропозициональные схемы при помощи структурных отношений. Схема как стратегическая единица обеспечивает быстрый анализ поверхностных структур.⁵ В пропозициональной репрезентации закодировано достаточное количество информации, чтобы обеспечить дословное воспроизведение текста.

Такое представление текста в терминах пропозиций и связей между пропозициями составляет текстовую базу, которая является семантическим представлением воспринимаемого текста.

¹ См. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989, с. 82.

² Джонсон-Лэрд Ф. Процедура семантика и психология значения. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII, М., 1988, с. 235.

³ Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология. М.-СПб., 2002, с. 149.

⁴ Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996, с. 337.

⁵ ван Дейк Т.А., Кинч В., указ. соч., с. 167.

Пропозиции в рамках базы текста локально и глобально связаны. Локальная связность достигается установлением значимых связей между предложениями. Глобальная связность есть результат установления макроструктуры текста (его темы, общего содержания, топика). Иными словами, макроструктура есть абстрактное семантическое описание глобального содержания. Понятие макроструктуры отличается от понятия макропропозиции. Последние в тексте могут быть выделены непосредственно, тогда как макроструктуры являются переосмыслением ряда макропропозиций на более высоком семантическом уровне.¹ Следовательно, текст как таковой не обладает макроструктурой; она приписывается автором или потребителем этого текста.

На второй стадии понимания дискурса база текста используется как основа для построения моделей, отражающих содержание, представленное в дискурсе. Ясно, что модель, построенная на основе дискурса, отличается от той модели, которая служит основанием для его построения.

Если база текста — это форма представления смысла текста в эпизодической памяти, то модель представляет описываемую ситуацию, то есть в определенном смысле является денотатом текста. При образовании модели второго типа, то есть основывающейся на описании ситуации, необходимо знакомство с аналогичными ситуациями в прошлом, а также знание о том, как они интерпретировались.

Ситуационные модели личностны (есть уникальные репрезентации уникальных ситуаций). Кроме моделей этого типа, при анализе как непосредственно воспринимаемых ситуаций, так и описывающего их дискурса используются т. н. общие модели, отражающие личностные модели о данном типе ситуаций. Общие модели следует отличать от структур организации стереотипного знания, описывающих повторяющиеся, типичные для данного социума эпизоды и ситуации. Последние, получившие название фреймов или сценариев, содержат информацию, являющуюся общей для членов данного социума, и служат социально-культурной характеристикой тех или иных ситуаций.²

¹ ван Дейк Т.А. , указ. соч., сс. 60, 64.

² ван Дейк Т.А. , указ. соч., сс. 89-90.

Итак, ситуационная модель, построенная на основе непосредственного наблюдения или восприятия соответствующего дискурса, передает информацию, извлекаемую как из соответствующих фрагментов общих (личностных) моделей, так и из социально значимых сценариев.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассматриваемой концепции не проводится различие между ситуационной моделью автора дискурса и той, которая строится на его основании.¹

Рассмотрим соотношение между репрезентацией текста и моделью ситуации с точки зрения их представимости в памяти. Результаты исследований показывают, что память более тесно связана с моделью ситуации, а не с текстовой базой.² Модель легче вызывать из памяти, вспоминание пропозиции требует восстановления словесной формы выражения.³

В информационных текстах целью понимания является построение именно модели, после чего словесная форма выражения может быть отброшена.

В когнитивной психологии существует несколько гипотез о форме представления информации в памяти. Рассмотрим две основные.

1. Гипотеза двойного кодирования А. Пейвио основана на предположении о существовании двух кодирующих систем и двух способов представления информации в памяти: невербальный образный процесс и вербальный, символический. Оба кода — образный и вербальный — могут перекрывать друг друга при обработке информации.⁴

2. Концептуально-пропозициональная гипотеза Дж. Р. Андерсона и Г.Х. Бауэра предполагает, что в памяти хранятся интерпретации событий -вербальные или визуальные, но не образные компоненты. По их мнению, "единственное различие между внутренними репрезентации лингвистической входной информации и образов памяти - в детальности информации".⁵ Авторы полагают, что конкретные понятия закодированы с богатым на-

¹ ван Дейк Т.А., Кинч В., указ. соч., с. 157.

² Там же, с. 181.

³ ван Дейк Т.А., указ. соч., с. 77.

⁴ Солсо Р.Л., указ. соч., с. 280.

⁵ Там же, с. 288.

бором предикатов, связывающих их. Поэтому легче выучить слова, имеющие предметное значение, чем слова с абстрактным значением.

К первому из указанных подходов можно отнести также подход Ф.Н. Джонсона-Лэрда, который вместо понятия "образ" использует понятие "ментальная модель". По его мнению, "модель репрезентирует положение дел и ее структура не произвольна, подобно структуре пропозициональной репрезентации, а играет роль непосредственного воспроизведения или аналогии".¹

Можно предположить, что подход Т.А. ван Дейка допускает использование обоих подходов: существование и пропозициональных моделей и моделей аналоговых, характеризующих пространственную структуру ситуации, отношения между предметами, а также внешние свойства предметов и лиц. Таким образом, сложные модели ситуаций могут состоять из качественно разных моделей как аналоговых и образных, так и пропозициональных. Примером такого сочетания может служить анализ т.н. "когнитивных карт", осуществленный в рамках концепции С.Каплана. Когнитивными картами называют систему представлений, кодирующих места и отношения последовательности между ними,² своеобразные индивидуальные способы означивания пространства. Выясняется, что пространственные представления существуют как в пропозициональной, так и в аналоговой форме. По мнению С. Каплана, «чем больше удалено понятие от сенсорного источника, тем более обобщенным оно является. Например, понятие "перекресток" ближе к сенсорному опыту, чем понятие "город"».³

Выше была показана та роль, которую играет репрезентация текста в построении модели. Необходимо, однако, отделять репрезентацию саму по себе от ситуационной модели, поскольку представление текста не всегда совпадает с представлением ситуации. Два и более текста, имеющие разное значение, могут описывать одну и ту же ситуацию. В подобных случаях ответ на вопрос «о чем текст?» не совпадает с вопросом о том, что именно

¹ Цит. по: ван Дейк Т.А., указ. соч., с. 76.

² См. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб., 2002, с. 176.

³ Цит. по: Зинченко Т. П., указ. соч., с. 174.

он сообщает. В тексте могут «работать» различные риторические операции не столько для выражения фактов, сколько для обеспечения большей эффективности текста. Этот аспект дискурса удачно выразил Ф. Джонсон-Лэрд: «Существование эвфемизмов и их действенность зависят от возможности поверхностной интерпретации дискурса...Если бы слово всегда вызывало в сознании репрезентацию своего денотата, то...экзотическая терминология смерти и погребального ритуала, столь замечательно высмеянная Ивлином Во в «Незабвенной», никогда не была бы изобретена. Эвфемизмы рассчитаны на пропозициональную репрезентацию, они удерживают нас от полной интерпретации».¹

Здесь следует сделать некоторое отступление. Дело в том, что в работе «Лингвистика и поэтика» Р.О. Якобсон, анализируя языковое сообщение, выделяет следующие шесть факторов, являющихся необходимыми элементами языковой коммуникации: контекст, адресант, адресат, контакт, код, сообщение. Этим факторам было поставлено в соответствие шесть языковых функций: коммуникативная (референтивная), экспрессивная (эмотивная), конативная, фатическая, метаязыковая, поэтическая.

Рассмотрим две основные.

Коммуникативная (референтивная, денотативная, когнитивная) функция характеризуется установкой на референт и ориентацией на контекст. Противоположная в определенном смысле данной функции функция поэтическая сосредоточивает внимание на сообщении ради него самого. Эта функция превалирует в поэтическом дискурсе, однако в поэзии наряду с поэтической используются также другие речевые функции. К примеру, эпическая поэзия опирается еще и на коммуникативную функцию; лирическая поэзия связана также и с функцией экспрессивной². Таким образом, сам Р. Якобсон различает поэзию и поэтическую функцию.

Во избежание разночтений группа льежских ученых, занимающихся «новой риторикой», предложила вместо термина «поэтическая функция» термин «риторическая функция».³

¹ Джонсон-Лэрд, указ. соч., с. 237.

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М., 1975, сс. 198- 203.

³ Общая риторика. М., 1986, с. 45.

Нетрудно видеть, что приведенный выше анализ дискурса ситуации, целью которого было создание модели, может быть охарактеризован как дискурс с преобладанием референциальной функции. При ослабленной референциальной функции, как в текстах типа текста романа Ивлиева «Незабвенная», характерно преобладание функции риторической. Итак, для поэзии характерно преобладание риторической функции, то есть текст может быть в полном смысле слова поэтичным, если в нем используются риторические средства, как фигуры, так и тропы.

Поэтический язык создает уникальные значения, не фиксированные в культурном сознании. Это достигается путем создания особой осмысленной образности. Интересно представление о специфике поэтического языка, характерное, например, для англо-саксонской школы литературной критики. Основные положения этой концепции следующие:

1. поэтический язык создает определенное «слияние» с чувственным восприятием, в отличие от языка непозитического, где смысл максимально «очищен» от сенсорного компонента
2. в поэтическом языке союз смысла и ощущений создает объекты, замкнутые на себя, тогда как в обыденном языке знаки имеют референтов
3. свойство поэтического языка быть самодовлеющим, замкнутым на себе позволяет ему строить вымышленный мир.¹

Одним из основных средств в механизме поэтического воздействия является поэтическая метафора, точнее – образная метафора. Создание яркого образа при этом основано на соположении двух далеких друг от друга по своей принадлежности к разным категориям предметов или явлений, имеющих общую, обыгрываемую черту или качество, и чем сильнее эти феномены отличаются друг от друга категориально, тем более уникальным получается результирующий образ. Новое значение в метафоре создается опосредованно, путем изменения значения известных, имеющих названия предметом и явлений. Образы, участвующие

¹ См. Рикер П. Живая метафора. // Метафоры. М., 1990, с. 446-447.

в порождении смысла метафоры, - это в определенном смысле «связанные образы», то есть конкретные представления, вызываемые и контролируемые вербальным значением.¹

Исследуя референциальную составляющую метафорического высказывания, П.Рикер предлагает использовать термин «расщепленная референция», ранее применяемый Р.Якобсоном для анализа поэтической референции в качестве характеристики референции метафорической.²

Нетрудно заметить, что приведенные выше характеристики специфики поэтического языка, с одной стороны, и метафорического высказывания - с другой, почти совпадают. Можно предположить, что, говоря о специфике поэтического языка, авторы имели в виду преимущественно и именно такую поэзию, которая построена на метафорах, то есть, если так можно выразиться, метафорическую поэзию.

Между тем пушкинское стихотворение «Я вас любил. Любовь еще, быть может...» почти не содержит тропов, и тем не менее это - поэтическое произведение.

Определяющая роль в восприятии литературного, в частности - поэтического текста принадлежит читателю, субъекту восприятия и понимания, который и приписывает тексту ту или иную значимость, то есть эффект от восприятия поэтического текста определяется поэтическим дискурсом, с одной стороны, а с другой - способностями читателя-слушателя. В частности, необходима не только соразмерность общекультурного опыта поэта и читателя, но часто - адекватность опыта чувственного. Так, строки Р.М. Рильке

...нет *рифмы* совершеннее и строже...
чем та, что по тебе *проходит дрожью*

или И.А. Бродского

...от великой любви остается лишь *равенства знак*

¹ Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. //Метафоры. М., 1990, с. 424.

² Там же, с. 426-427.

невозможно понять, основываясь только на знании или воображении. «Дрожь», проходящая по телу газели, как и «*знак равенства*», вырезанный на скамейке, должны уже иметься в памяти. Иными словами, надо обладать соответствующими образами-воспоминаниями, а не образами воображения.¹

При всей эвристичности когнитивной теории понимания дискурса она не дает представления о том, при помощи каких структур осуществляется восприятие и передача эмоциональных состояний. Представляется, что для этих целей более подходящим является разработанная в школе А.Н.Леонтьева психологическая концепция сознания. Рассмотрим использующую данные этой теории концепцию структуры сознания, выдвинутую В.П.Зинченко. В этом подходе сознание рассматривается как двухуровневая структура, состоящая из бытийного и рефлексивного слоев. В бытийный слой входят биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Под значениями понимаются оформленные содержания общественного сознания, которые необходимо освоить индивиду. Понятие «смысл» отражает включенность индивидуального сознания в рефлексивный и бытийный слои одновременно, то есть способность его быть не только знанием, но и отношением. Смысл всегда есть смысл чего-то: образа, действия, значения, наконец - жизни. Он вкладывается в ситуации и из них извлекается.²

Возникая во взаимодействии с внешним миром как непосредственное от него впечатление, чувственная ткань служит строительным материалом для создания сознательных образов реального мира. Все компоненты сознания тесно взаимосвязаны друг с другом. В частности, очень существенны процессы взаимодействия между значениями и смыслами в рефлексивном слое, где проходят их взаимные трансформации — означения смыслов и осмысление значений, что составляет суть процесса взаимо-

¹ Гостев А.А., Рубахин В.Ф. Классификация образных явлений в свете системного подхода. // Вопросы психологии, 1985, № 1., с. 35.

² Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания. //Вопросы психологии, 1991, № 2, с. 26.

понимания, специфику диалога. В качестве примеров взаимотрансформации «образующих» сознание В.П.Зинченко приводит одну из повестей Ф. Дюрренматта, где описан процесс передачи эмоционального отношения от одной героини к другой через текст (в данном случае дневник). В терминах «образующих» структуру сознания этот процесс описывается как начинающийся с вербализации чувственной ткани у автора дневника, затем трансформация текста у читательницы в соответствующую систему представлений и, наконец, преобразование последней в эмоционально-смысловой образ.¹ Представляется, что чувственная ткань может существовать отдельно от смысла, тогда как смысл неотторжим от чувственной ткани. К примеру, образы импрессионистов являются чистым порождением чувственной ткани – без влияния личностного смысла², тогда как в живописной лирике М.Шагала очевидно нерасторжимое присутствие чувственной ткани и личностного смысла, который проявляется в отношении к различным деталям картины, в отсутствие попытки как-то адекватно отразить реальность. Создается ощущение своеобразного аналога поэтического образа.

Рассмотрим далее еще два примера, взятые из упомянутой статьи Ф.Е.Васильюка. Первый пример – стихи М.И.Цветаевой, посвященные А.А. Блоку:

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке...

Автор статьи считает эти стихи иллюстрацией поэтического использования лишь чувственной ткани слова. Между тем представляется, что именно такие ассоциации порождены отношением к Блоку – человеку и поэту, то есть личностным смыслом, и именно им определяются.

Другой пример – отрывок из рассказа В.В.Набокова «Весна в Фиальте»: «Я этот городок *очень люблю*: потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелко-

¹Там же, с. 28.

²Васильюк Ф.Е. Структура образа. //Вопросы психологии, 1993, № 5, с.10.

го, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя явное звучание Ялты; потому ли, что его сочная весна особенно *умащает душу* (подчеркнуто мной – А.С.)...»¹

Представляется, что и в этом случае ассоциации и их интерпретации, составляющие художественный образ, детерминированы влиянием личностного смысла, что, кстати, отражается в эмоционально окрашенных элементах текста.

К приведенным выше примерам может быть отнесен и известный фрагмент с пирожным «Мадлен» из романа «В поисках утраченного времени («По направлению к Свану»)»² М.Пруста, хотя в последнем случае описывается более сложный процесс.

Обратим внимание на то, что те каналы, по которым мы получаем, храним и кодируем информацию, называются репрезентативными системами. В их число входят визуальная, аудиальная, кинестетическая, обонятельная и вкусовая репрезентация.³

И в цветаевских стихах, и в остальных примерах создание художественного образа происходит не путем придания одному предмету свойств другого, не в результате столкновения «семантических полей», что характерно для метафор (шире - тропов), но посредством создания образа объекта (предмета, явления, события), построенного на системе межмодальных ассоциаций, основывающихся на неосознаваемой связи между каналами восприятия - синестезии. Конечно же, эти образы глубоко личностны, и в этом их отличие от образов, созданных на основе риторических средств. Тем не менее их можно назвать личностными риторическими средствами. Однако их общим свойством является уникальность получаемых образов и их прямая зависимость от порождающей их неповторимой формы вербального воплощения. В этом смысле тексты В.В.Набокова и М. Пруста являются поэтическими в той же мере, что и стихи М.И.Цветаевой.

Может показаться парадоксальным, но, как нам представляется, понимание не является конечной целью восприятия

¹ В.В.Набоков. Собр. соч. в 4 тт. Том IV, М., 1990, с. 305.

² См. М.Пруст. В поисках утраченного времени. Полное издание в 2 тт., т. I, М., 2009, сс. 40-43.

³ О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в нейролингвистическое программирование. Челябинск, 1998, с. 45.

поэтического текста. Понимание - промежуточный этап, конечной же целью выступает своеобразное «овнутрение» стиха, его личностное освоение. На наш взгляд, единственным адекватным способом реализации этой цели является заучивание наизусть. Поэтический текст - в отличие от информационного - важен сам по себе. Природа информационного текста проявляется также и в способах его запоминания: при этом он допускает использование самых разных мнемонических приемов, тем более что улучшение запоминания не связано с улучшением понимания текстов такого типа. Известно, например, что можно запомнить огромное количество бессмысленной информации и в то же время быть не в состоянии извлечь из текста очевидный смысл, что является примером крайне неадекватного соотношения между значениями и смыслами.¹

Запоминание поэтического текста должно в качестве мнемонических приемов использовать именно те образы, которые имманентны тексту и связаны с его осмыслением. Это, так сказать, первичное понимание.

Попадая в память, текст приобретает своеобразный статус «своего-чужого». Чуждость его определяется несколькими факторами - несоотнесенностью между эмоционально-смысловыми структурами субъекта понимания и автора текста, механизмами порождения вербального текста (тезаурус, система образов, лингвистические навыки), наконец, соотношением данного текста с другими художественными и поэтическими текстами в памяти субъекта восприятия. Представляется, что принципы анализа «внешнего» и так понимаемого «внутреннего» текстов не совпадают: в отличие от «внешнего» текста, под который *не* приспособляются, «внутренний» текст анализируется, исходя из принципа «как я сам мог бы его сделать?» В дальнейшем «овнутрённый» текст или его части периодически всплывают в памяти, используются во внутренних ассоциациях. Интериоризированный в указанном смысле текст воспринимается симультанно, с «плавающей» личной макропропозицией. Наличие корпуса таких «овнутрённых» текстов в памяти вырабатывает критерии оценки поэтического текста и, тем самым, - поэтического чутья. Край-

¹ Зинченко В.П., указ. соч., с. 24.

ними проявлениями «бытия» текстов в памяти выступают, с одной стороны, изолированность их существования, их принципиальная «нерассасываемость», а с другой – способность порождать новые тексты, в той или иной мере подобные усвоенным.